

100-летие со дня рождения К. С. Станиславского

КУДЕСНИК СЦЕНЫ

В Казахстане широко отмечается 100-летие со дня рождения гениального русского режиссера, замечательного деятеля советского театра Константина Сергеевича Станиславского, чье творчество оказало огромное влияние на развитие казахского театрального искусства. Наш корреспондент попросил поделиться мыслями о знаменательной дате члена Всесоюзной комиссии по проведению юбилея К. С. Станиславского, народного артиста Казахской ССР Серапы КОЖАМКУЛОВА. Он сказал:

— Когда я перебираю в памяти год за годом всю свою жизнь, из которой более сорока лет отданы сцене, то снова и снова возвращаюсь к Константину Сергеевичу Станиславскому. Между тем, я лично с ним никогда не встречался. Мне в этом отношении удивительно не везло. На первой декаде казахского искусства в Москве в 1936 году я играл в «Кыз-Жибек» Аткалытыра. На этом спектакле присутствовал Константин Сергеевич, но мне в тот вечер не пришлось увидеть его и поговорить с ним. Я твердо решил познакомиться со своим учителем (я не оговариваюсь, называя его так) во время заключительного концерта. Но Станиславский заболел.

Говорят, что у песни нет границ. Нет их и у искусства. Оно шагает от народа к народу через моря и горы, через века. Не всякое, конечно, искусство, а подлинное, то, которое несет радость людям. Константин Сергеевич Станиславский нес эту радость всем очень щедро и пламенно.

Учитель, которого не видел. Может ли так быть? Оказывается, может.

Еще в первые годы работы в театре я слышал, что в Москве живет великий актер, большой мастер и художник Константин Сергеевич Станиславский. А позднее, в 1933 году, в наш казахский театр пришел русский режиссер М. Т. Насонов. Он принес с собой большую любовь к кудеснику сцены — Станиславскому, познакомил нас, казахских актеров, с методами его работы, с его взглядами на театр, на нелегкий актерский труд. Помогавшие становлению казахского театра режиссеры И. Г. Боров, М. А. Соколовский, Ю. Л. Рутковский, М. И. Гольдблат, Я. С. Штейн, Ю. А. Завадский также были учениками и последователями К. С. Станиславского.

На любой национальной сцене

одинаково выглядят смех или слезы, горе или радость. От актера зависит, сумеет ли он донести их до зрителя так, чтобы он верил в эти переживания и смеялся или негодовал, плакал или боролся вместе с ним. Как достичь этого? Такой вопрос много раз вставал передо мной.

И вот я впервые прочел переведенную на казахский язык книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве» и открыл для себя новые, захватывающие горизонты. Это было в 1940 году. Но до сих пор я храню в душе безграничную признательность и к автору изумительного труда, и к переводчику книги М. Жангалину, давшему мне возможность проникнуть к истокам большого реалистического искусства, понять его законы.

Можно было бы много говорить о том, какое влияние оказало и как обогатило казахское драматическое искусство общение с русским искусством. Но лучше всего об этом может рассказать репертуар нашего театра.

Мы ставили на казахском языке «Женитьбу», «Ревизора» и «Отелло», «Угрошение строптивой» и «Любовь Яровую», «Аристократов» и «Человека с ружьем».

Помогали нам правильно понимать эти произведения названные уже мною режиссеры. Все они были последователями и верными учениками Константина Сергеевича Станиславского.

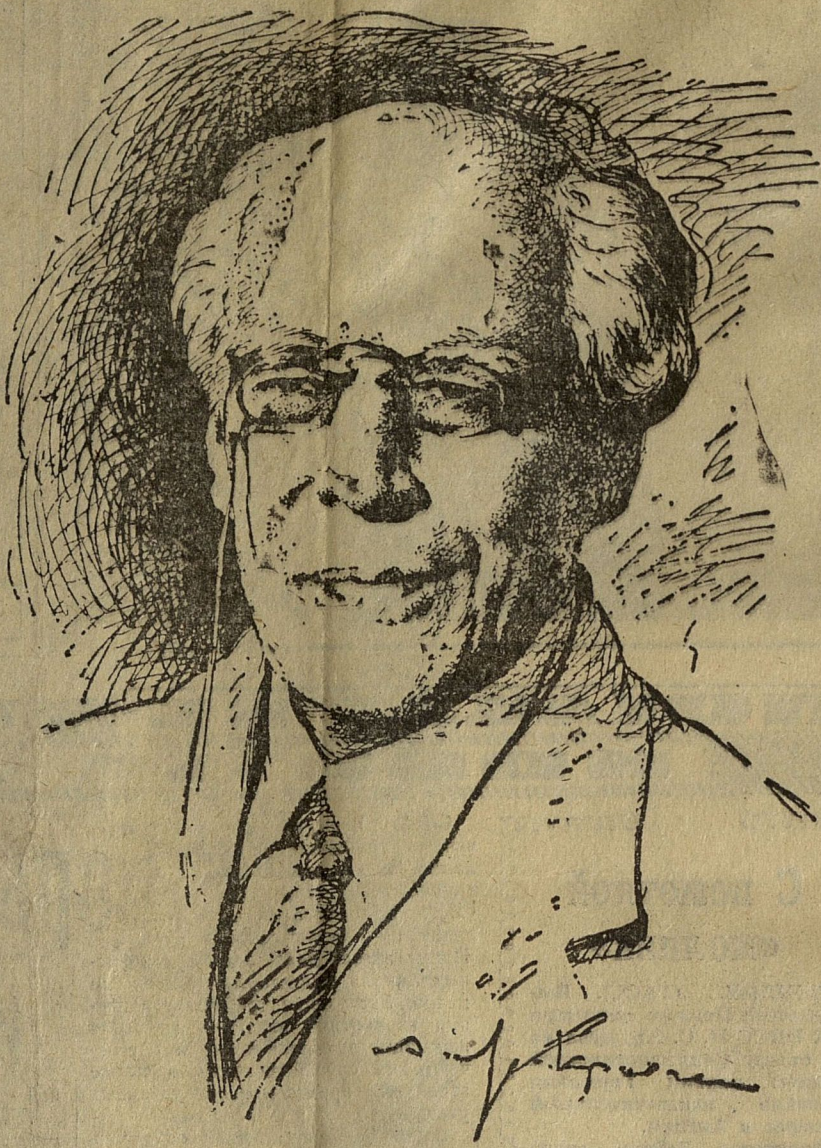
Вот почему, ни разу не встречаясь со Станиславским, я всю свою актерскую жизнь был связан с ним самыми тесными узлами дружбы. Он помогал мне овладеть сценическим мастерством. Мне дороги его книги, ставшие настольными пособиями для всех тружеников искусства. Я всем сердцем разделяю слова великого гуманиста о том, что «...театр должен быть одним из главных орудий борьбы с войной и международным средством поддержания всеобщего мира на земле. Театр — лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств. Если бы эти чувства чаще вскрывались... — сколько бы раз народы пожали бы друг другу руку, сняли шапки, вместо того, чтобы наводить друг на друга пушки».

Я счастлива, что мне выпала честь представлять деятелей искусства Казахстана в Комиссии по проведению 100-летнего юбилея великого актера.

«СОЛНЦЕ РУССКОГО ТЕАТРА»

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ КНИЖНО-ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ВЫСТАВКА, ОТКРЫТАЯ В ОДНОМ ИЗ ЗАЛОВ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО. ОНА ПОСВЯЩЕНА 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РЕЖИССЕРА, АКТЕРА, ПЕДАГОГА И ТЕОРЕТИКА ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА К. С. СТАНИСЛАВСКОГО.

ПОДОБНЫЕ ВЫСТАВКИ ОТКРЫТЫ В БИБЛИОТЕКАХ АКТЮБИНСКА, БАЛХАША, ЧИМКЕНТА, ЛЕНИНОГОРСКА И ДРУГИХ ГОРОДАХ РЕСПУБЛИКИ.



Великий художник

Бывают встречи, забыть о которых нельзя. Навсегда останутся в моей памяти встречи с Константином Сергеевичем Станиславским, его занятия, уроки, репетиции, в которых я имел счастье участвовать.

Я глубоко заинтересовался Станиславским, услышав его имя на одной из лекций по курсу «Эстетика как социальное явление», которые читал нам Анатолий Васильевич Луначарский в Московском университете. Я только что приехал в Москву из глухой провинции. Художественный театр во главе со Станиславским гастролировал в Америке. Мейерхольд только что поставил спектакль «Земля дыбом», который вызывал ожесточенные споры. Мы попросили Анатолия Васильевича высказаться по этому поводу. Передавая свои впечатления о спектаклях Мейерхольда и Таирова, Луначарский коснулся и творческой деятельности Московского художественного театра и сообщил нам, что коллектив во главе со Станиславским возвращается в Москву. Многие из нас встретили это сообщение с аплодисментами, но послышались и выкрики: «Буржуазный театр, буржуазное искусство». И вот тут Луначарский выступил с десятиминутной, как всегда, темпераментной речью о Художественном театре и нарисовал яркий портрет Станиславского, гениального художника, великого подвизника в искусстве. Этот портрет очаровал нас. Захотелось поскорее увидеть спектакли, поставленные Станиславским, и актера Станиславского.

Впервые я увидел и услышал Константина Сергеевича на концерте в пользу студентов в Зиминском оперном театре. На сцену вышел высокий, красивый старик с белоснежными волосами и прочитал монолог Сальери «Нет правды на земле, но правды нет и выше...». И покорила весь многотысячный зал Зиминского театра, слившийся в единой волне бурного восторга. С этого момента стремление поступить в Художественный театр, работать со Станиславским стало главной целью моей жизни. Покинув университет, я поступил в театральную школу, через четыре года окончил ее и был принят в Художественный театр.

Первая творческая встреча с Константином Сергеевичем состоялась на репетиции пьесы «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Мне поручили в картине «Станция» небольшую роль «мужичонки», которого колчаковцы ведут на расстрел.

До прихода Станиславского картину репетировал И. Я. Судаков. Когда меня выбрасывали колчаковцы на сцену, я умолял их пощадить меня: «За что же, ваше благородие, за что же», я плакал подлинными слезами. Режиссер и мои товарищи меня хвалили. Но вот пришел Константин Сергеевич, и раздалось громкое: «Не верю». Константин Сергеевич остановил репетицию и поднялся на сцену. «Почему вы плачете, он же не понимает, что с ним собираются делать», — сказал он и стал мне объяснять всю логику поведения образа. Такой богатейшей фантазии, всегда логически обоснованной, я никогда не встречал ни у одного режиссера.

Константин Сергеевич всегда ярко показывал, что нужно делать; он требовал, чтобы актер мыслил на сцене. «Мысль тянет за собой чувство, если нет мысли, получается

ложь, голое представление», — говорил он. Его репетиции всегда были уроками актерского мастерства, яркими, необычайно убедительными и интересными.

Станиславский не знал, что такое усталость, он репетировал до бесконечности, был всегда бодрым, энергичным. Мы, молодые, уставали, а его могло оторвать от репетиции только напоминание машиниста сцены И. И. Титова, что нельзя будет успеть поставить декорации к вечернему спектаклю.

Я видел Константина Сергеевича в семи ролях. Его Фамусов, Сатин, Крутицкий из «На всякого мудреца», Иван Шуйский оставляли неизгладимое впечатление. Но больше всего я любил смотреть Константина Сергеевича в докторе Астрове из «Дяди Вани» Чехова. Здесь все было совершенно: разнообразие интонаций, тончайшие нюансы, изумительная пластика и уж такая правда, которая захватывала зрителей так, что нельзя было оторваться от сцены. Недаром А. М. Горький называл его чародеем и волшебником. Такое чарующее впечатление производил он в сцене с Еленой Андреевной и Соней. Вы уходили из театра, а голос Станиславского жил в вас. Какой-то особый подъем, правильный, лирический экстаз актера передавался вам и заражал вас.

Я присутствовал на репетициях восьми пьес, над которыми работал Константин Сергеевич. На каждой репетиции поражало неисчерпаемое разнообразие приспособлений, неожиданный поворот в трактовке той или иной сцены.

Константин Сергеевич был всегда предельно собранным на репетициях, и когда он замечал вялость, рассеянность или холодность, у кого бы она ни проявлялась, будь то молодой или маститый артист, это всегда вызывало у него гнев и убийственную иронию. Он любил и всегда поощрял актерскую инициативу и загорался от любого предложения, в котором было рациональное зерно и которое шло в сквозное действие пьесы. «Никогда не будьте манекеном в руках режиссера, развивайте в себе творческое воображение; помните: без инициативы, без фантазии нет ни актера, ни режиссера», — говорил он.

В 1931 году, вернувшись из отпуска и просмотрев несколько спектаклей, Константин Сергеевич был очень расстроен тем, что у актеров Художественного театра появились свои штампы и привычные механические приемы игры. Он разбил труппу на 7 групп и раз в неделю сам стал заниматься с каждой группой элементами системы.

Это были интереснейшие и увлекательные занятия. Учился весь театр, начиная с Качалова, Москвина, Леонидова и кончая нами — самыми молодыми и неопытными. Константин Сергеевич много говорил о внутренней характеристике, о темпоритме, о сверхзадаче, о физических действиях. Он рекомендовал «муштрой» заниматься ежедневно, приводил нам часто в пример М. Н. Ермолову, которая вплоть до своей тяжелой болезни ежедневно занималась фехтованием.

Последние десять лет все занятия Константин Сергеевич проводил у себя на квартире в особняке Леонтьевского переулка, и если вы приходили до начала репетиции, вы всегда слышали за стеной голос

Константина Сергеевича, распевавшего упражнения под рояль, хотя как актер он уже не играл.

На наших занятиях по системе К. С. Станиславский очень много уделял внимания этике и дисциплине. Он говорил, что больше всего ему хочется написать книгу об этике актера, о воспитании актера как гражданина и человека. «Театр, — говорил Константин Сергеевич, — либо возвышает, либо развращает человека. Сколько погибает молодых талантов, не успевших расцвести и окрепнуть, из-за того, что не умеют вовремя отнестись к себе критически. Первые успехи, слава выбивают у них почву из-под ног. Надо спать в один коллектив, научиться коллективно хранить общее дело». Боритесь с людьми, распространяющими сплетни. Если среди коллектива, найдется такой актер, немедленно гоните его, рвите из сердца, ибо талантливый человек талантливо распространяет свой яд. Помните, нам нужно быть коллективным творцом».

9 августа 1938 года я стоял на сцене МХАТа в почетном карауле у гроба Станиславского. Вместе со мной стояли юные студенты, последние ученики из оперно-драматической студии его имени, и мне снова послышались слова Астрова — Станиславского: «Я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками».

Система Станиславского, его богатейшее театральное наследие, это не прошлое, это — наше сегодня, это прямая дорога в будущее советского театра. Это острое наше оружие в борьбе с формалистами. Это пути совершенствования нашего искусства.

А. ЛАКШИН,
заслуженный деятель искусств
Латвийской ССР, преподаватель
Казахской консерватории имени
Курмангазы.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

Широко отмечается юбилей великого реформатора русского театра, замечательного художника-мыслителя Константина Сергеевича Станиславского в нашей республике. Во многих творческих коллективах проводятся торжественные собрания, посвященные этой знаменательной дате, читаются лекции и доклады, рассказывающие о творчестве замечательного артиста и режиссера. Большую передачу посвятила памяти Константина Сергеевича Станиславского Алма-Атинская студия телевидения.

В кинотеатрах республики демонстрируются кинофильмы о творческом пути К. С. Станиславского,

об искусстве Московского Художественного Академического театра имени М. Горького.

Большую работу перед юбилеем проделало Казахское театральное общество. Им подготовлена тематическая выставка о творческой деятельности замечательного режиссера, о влиянии его работ на развитие казахского национального театра. Фото-выставка разослана по всем театрам республики.

Театральным обществом был проведен теоретический семинар, на котором читались лекции о роли К. С. Станиславского в развитии советского театра, об этических и эстетических основах его системы.